

общество

Мы чувствуем себя крестниками Лихачева

Доктор филологических наук профессор Юрий Владимирович Зобнин начал всерьез заниматься наукой в те недавние времена, когда изданный в Америке четырехтомник Гумилева назывался «книгой стоимостью в десять лет», и... стал первым в стране специалистом по творчеству этого гениального поэта. А в легализации поэзии Гумилева, как и вообще в борьбе за отмену других странных, на наш теперешний взгляд, запретов, принимал деятельное участие Дмитрий Сергеевич Лихачев. Так биография профессора Зобнина оказалась связанной с именем Лихачева.

Перемена участи

— Как вы познакомились с Дмитрием Сергеевичем?

— Можно сказать, что именно благодаря Гумилеву. На последнем курсе Университета мне пришлось поменять кафедру, на которой я собирался защищать диплом. Я учился на отделении «Русский язык как иностранный», уже произошло распределение, и меня начали готовить в Африку военным советником. (Есть люди, которые до сих пор на меня в обиде, что я туда не поехал.) Но как раз в этот период творчества Николая Степановича Гумилева начало выходить из подполья. Упустить такое событие было невозможно. В результате я стал писать диплом «Раннее творчество Николая Гумилева» на кафедре истории русской литературы. Это был первый диплом по Гумилеву в стране. В 1987 году его написание торжественным образом разрешили, а в 1988-м я защитился. И меня сразу взяли аспирантом в Пушкинский дом. Кстати, знаете, как «разрешили» Гумилева?

— Нет...

— Это произошло при участии Дмитрия Сергеевича Лихачева. Он был довольно близко знаком с Раисой Максимовной Горбачевой — они вместе были в Фонде культуры, он тогда только-только организовывался. Лихачев пригласил ее в Пушкинский дом, стал показывать музей — вот вещи Лермонтова, вот рукописи Толстого... А рядом с ней идут партийные секретари в одинаковых костюмах, с серьезными лицами. И тут Раиса Максимовна спрашивает: «А нет у вас фотографии Гумилева?». Пауза. Раиса Максимовна говорит: «Такой хороший поэт, я так его люблю, а мы его не издаем...». Ну, ей сказали что-то вроде «вообще-то есть, но сейчас вот нет». А Дмитрий Сергеевич поддержал разговор: действительно, хороший поэт...

Николай Николаевич Скатов, тогдашний директор Пушкинского дома, проводил высокие гостей,

возвращается к себе в кабинет, через пятнадцать минут — звонок из обкома партии: «Почему у вас Гумилева нет?! Разболтался!!! В планах издания он у вас есть?». Скатов говорил, что в первый момент подумал — провокация. На свой страх и риск сказал: «Готовится». Ну а дальше — послали заявку в «Библиотеку поэта», и в этой серии вышел первый отечественный сборник Гумилева.

На этой «волне» стало возможным взять меня в аспирантуру по данной теме. Правда, в Пушкинском доме подстраховались и предложили: «Ты пока у нас будешь год в заочной аспирантуре. Если тебя не будут трогать, переведешься в очную». Нет проблем — я год проработал в Политехе.

— Кем?

— Да по специальности — преподавал русский язык вьетнамцам. Они не знали французского, я не знал вьетнамского, поэтому занятия были по принципу «я — Робинзон, ты — Пятница» (смеется). А когда Гумилев вышел в «Библиотеку поэта», перевелся в очную аспирантуру. И сразу принял участие в подготовке Полного собрания сочинений Гумилева, стал его ответственным редактором.

Кстати, поначалу, когда я приходил в Публичную библиотеку со своими заявочками, сотрудники по привычке отшатывались. Это было, правда, недолго. И вот в качестве аспиранта, занимавшегося Гумилевым, я и познакомился с Лихачевым.

Купленный архив и спасенный музей

— Дмитрий Сергеевич был самым авторитетным в Пушкинском доме ходатаем «в верхах» за всевозможные проекты — издательские, исследовательские, научные и т. д. Самый яркий на моей памяти эпизод был связан с архивом Лукницкого. Павел Николаевич Лукницкий был крупнейшим коллекционером, горячим поклонником Гумилева. Он первый составил его биогра-

фию, был близко знаком с обеими женами Николая Степановича — Анной Андреевной Ахматовой и Анной Николаевной Энгельгардт...

Все материалы о Гумилеве Лукницкий хранил у себя, архив был под личным контролем Андропова. После смерти Павла Николаевича его вдову Веру Константиновну Юрий Владимирович вызвал к себе и сказал: «Мы вас трогать не будем, все собранное Павлом Николаевичем останется у вас. Но вы

должны дать нам честное слово, что все это будет просто лежать в вашей квартире».

— *Ей было запрещено показывать документы другим людям?*
— Когда Вера Константиновна передавала мне этот архив, она много рассказывала этаких «советско-абсурдистских» баек. Нет, показывать не было запрещено. Но и не было разрешено. К ней приходили, она доставала какой-нибудь листочек из коллекции и «под столом» показывала.

Потом этот архив она решила продать Пушкинскому дому, причем не за очень большие, по мировым ценам, деньги, но все равно понадобилась спонсорская помощь крупных компаний, чуть ли не «Газпрома», и... как ни странно, Чубайс взялся за это дело, причем с таким энтузиазмом, что на небесах ему за одно это многое простится. Так что деньги были, сложность оказалась в другом. Вера Константиновна очень много фрагментов после перестройки опубликовала,

где только можно. Она, конечно, торопилась восстановить справедливость и популяризировать деятельность Павла Николаевича — великого коллекционера-хранителя, о которой раньше было запрещено говорить, хотела популяризировать его архив, заинтересовать. Поэтому публикации шли по принципу «три первых листа из каждой папки». Она особенно не занималась систематизацией материалов, но опубликовала очень много.

Поэтому вдруг встал вопрос, действительно ли так ценен этот архив, что нужно его покупать. Спонсоры сказали: «Ребята, если хотите покупать, вы должны завтра сказать «да». И вы отвечаете за то, что купили».

И вот собирается ученый совет,

вички? Машину сюда пригоните!».

Так что я своими руками внес архив в Пушкинский дом, чем горжусь (смеется). Открыли, все начали ахать. Много народу разбирало этот архив, в том числе и я. Попалась мне папка беленькая, без всякой надписи. А по описям, сделанным самим Лукницким (их Вера Константиновна тоже передала), она называется «Папка материалов». Открываю, вижу листы, исписанные карандашом, вырванные из разных тетрадок, и вкладыш: «Материалы конспектов лекций Гумилева по теории поэзии, сделанные его учениками».

Думаю — вот это да! Никто же не знает, что он там говорил! Расшифровываю, расшифровываю, смотрю — под этими разнокалиберными листками... какие хорошие конспек-

тские время власти не понимали, зачем нужен такой музей, рассадник диссидентства. И после перестройки, по старой памяти, те же люди его продолжали время от времени закрывать.

Тогда музей закрыли серьезно: Валентину Андреевну Биличенко, «ангела-хранителя» памяти семьи Гумилевых, создателя музея, убрали из директоров и, так сказать, «на дверь навесили замок». А там большие ценности: ахматовские реликвии, много личных вещей Льва Николаевича Гумилева, уникальные реалии диссидентского движения 1960 — 1970-х годов, гитара Высоцкого, кстати, и гитара Галича...

Я в очередной раз начал бегать по Пушкинскому дому, «бить в колокола»: «Подпишитесь кто-нибудь, чтобы не закрывали музей!». Лихачев, вероятно, об этом услышал. И вдруг вечером в квартире В. А. Биличенко, как она рассказывала, звонок: «Здравствуйте, Валентина Андреевна!» А он не был с ней знаком. «Кто это говорит?» — «Лихачев». — «Какой Лихачев?» — «Дмитрий Сергеевич Лихачев, из Пушкинского дома. Мне сказали, что у вас какие-то проблемы. Давайте я приеду и посмотрю».

Это был 1998 год, он уже был очень болен... И вот он приехал, ему все открыли, он спокойно, не спеша посмотрел и сказал: «Хороший музей». Чайку попили. И очень скоро Валентине Андреевне позвонили из отдела культуры и сказали: «Ну... мы были не правы, поторопились».

Я не хочу ни идеализировать, ни тем более «мифологизировать» Дмитрия Сергеевича, но слова Гамлета — «Человек он был!» — к нему подходят. Он не был «свадебным академиком» (по аналогии со «свадебным генералом») — таких я видел немало. Он до конца своих дней оставался человеком ясного ума и сильной воли. Я в своей жизни встречался с тремя людьми, которых окружала «аура истории»: Дмитрий Сергеевич Лихачев, Лев Николаевич Гумилев и Александр Михайлович Панченко. Это «алмазные мой венец», как у Катаева.

Likhachev Square

— Этот год объявлен Годом Лихачева, страна празднует столетие со дня его рождения...

— Это хорошо и правильно, но как всегда бывает в нашем Отече-

стве, сейчас самые разные люди стали использовать имя Лихачева как некий «бренд», особенно радикальные демократы, которые поднимают Лихачева на щит как «совесть нации» и «апологета демократии», тогда как для пушкинодомовцев Лихачев — в первую очередь академический ученый... Я очень не люблю определений типа «совесть нации», «отец нации», я такими категориями не мыслю. Но то, что Лихачев и в общественном движении новейшей российской истории действительно серьезная, а не дутая величина, очевидно.

И хотелось бы, поскольку в Год Лихачева обсуждается вопрос об увековечении его памяти, чтобы Дмитрий Сергеевич был увековечен нормальными топонимическими мемориями. То есть, грубо говоря, это должны быть не те места, мимо которых Дмитрий Сергеевич проходил и на которые, возможно, смотрел, а места, в полном смысле слова связанные с его жизнью и деятельностью. Вот улицу, на которой он жил, — бывший проспект Шверника, теперь Второй Мурунский, — назвать его именем — это да... Настоящая мемория — это подлинник: вот дом Лихачева, а вот его улица.

Второе, что приходит в голову, — что-то рядом с Пушкинским домом. Только вот площадь Академика Сахарова переименовывать не хочется, набережную Макарова тоже... Но если там все же что-нибудь найдут, это будет понятно.

Третье — Гуманитарный университет профсоюзов. Мы хотим назвать именем Лихачева площадь перед университетом, на которой Дмитрий Сергеевич неоднократно выступал, в частности, с презентацией Декларации прав культуры. Там есть сложность, потому что к принятию решения привлечены люди, плохо знающие Лихачева и совсем не знающие наш университет. Уже начались какие-то интриги. Но если получится, будет очень хорошо.

Это тоже была бы реальная мемория. Да еще и продолжающая его начинания. С университетом было так. Дмитрий Сергеевич был в него приглашен в 1992 году в качестве Почетного доктора. Кстати, это был первый случай присуждения звания доктора honoris causa у нас в стране. Никто ниче-

го не понимал, все смеялись, но Лихачев неожиданно отнесся к этому вполне серьезно. Он приехал, дал свою оксфордскую мантию в качестве примера, потому что никто не знал, как ее шить.

Неожиданно все получилось очень торжественно. Лихачев надел новую мантию, произнес речь, причем речь была о Петербурге. Это был знаковый момент, мы все почувствовали себя крестниками Лихачева. Где-то с 1995-го он стал в университете часто бывать, выступал на всех праздниках, научных конференциях.

Мы сейчас делаем книгу на основе стенограмм выступлений Лихачева в Гуманитарном университете профсоюзов. Когда все расшифровали, я понял, что Дмитрий Сергеевич, выступая у нас, в течение ряда лет развивал фактически одну и ту же тему. О том, что нужно делать сейчас интеллигенции. Тезисов три. Первый: ни при каких условиях русский интеллигент не должен вступать в политическую партию. Ни в какую. Если интеллигент начинает заниматься легальной политической, он перестает быть интеллигентом. Второй: у интеллигенции есть инструмент воздействия на жизнь страны, и этот инструмент — общественное мнение. Интеллигенция должна вновь собираться в неформальные объединения вроде диссидентских «посиделок на кухне» и там сознательно формировать общественное мнение, чем, собственно, она и занималась в советское время. Третий: если государство начнет давить интеллигенцию, получится катастрофа, поэтому от «государственных объятий» нужно уклоняться, но напрямую с ним не конфликтовать. Должна быть внутренняя свобода, «тайная свобода». В общем, интеллигенция должна действовать, как в свое время альбигойцы: снаружи ты правоверный католик, а что у тебя внутри — другое дело.

То, что говорил Лихачев, очень похоже на слова леди Макбет: «Кахись цветком и будь змеей под ним». И тогда интеллигенция вновь будет в своей стихии. Страшновато звучит, но, если вдуматься, это правда.

БЕСЕДОВАЛА
Татьяна ЛЬВОВА

Юрий Владимирович Зобнин — профессор кафедры литературы и русского языка Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор филологических наук. Филолог, историк русской литературы XIX — XX вв.

Родился 25 июня 1966 года в Петербурге. В 1988 г. окончил филологический факультет ЛГУ. Уже в студенческие годы опубликовал ряд статей, посвященных творчеству авторов Серебряного века, в частности, творчеству Николая Степановича Гумилева; активно участвовал в процессе реабилитации гумилевского творчества в эпоху перестройки. С 1988 г. — аспирант Института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинского дома). В 1992 г. защитил первую в постсоветской России диссертацию о творчестве Н. С. Гумилева. С июля 1993 г. работает в СПбГУП.

Автор монографий и статей об истории русской литературы, многочисленных научных работ, посвященных писателям Серебряного века — М. Горькому, Л. Андрееву, Д. Мережковскому, Б. Зайцеву и другим; ответственный редактор академического Полного собрания сочинений Н. С. Гумилева.

должны дать нам честное слово, что все это будет просто лежать в вашей квартире».

— *Ей было запрещено показывать документы другим людям?*

— Когда Вера Константиновна передавала мне этот архив, она много рассказывала этаких «советско-абсурдистских» баек. Нет, показывать не было запрещено. Но и не было разрешено. К ней приходили, она доставала какой-нибудь листочек из коллекции и «под столом» показывала.

Потом этот архив она решила продать Пушкинскому дому, причем не за очень большие, по мировым ценам, деньги, но все равно понадобилась спонсорская помощь крупных компаний, чуть ли не «Газпрома», и... как ни странно, Чубайс взялся за это дело, причем с таким энтузиазмом, что на небесах ему за одно это многое простится. Так что деньги были, сложность оказалась в другом. Вера Константиновна очень много фрагментов после перестройки опубликовала,

там были Лихачев, Панченко, Скатов, еще несколько человек и ваш покорный слуга — я ведь ответственный редактор... Скатов встает и говорит: «Сейчас нам нужно принять решение, это очень большие деньги. Имеет смысл его покупать или нет? Кто может дать гарантии?». Я говорю: «Я всего архива не видел, но если человек собирал его всю жизнь...». И тут Лихачев говорит: «Я Лукницкого знал. Это был фанатик. Имейте в виду — он обязательно что-нибудь спрятал». Он и «дал отмашку».

Перевозил архив из Москвы я. Когда просто берешь в руки, пакуешь и грузишь рукописи Ахматовой, Пастернака — странное чувство... Получились две огромные сумки. Мы с Верой Константиновной решили плюнуть на все меры безопасности, взяли билеты в купе, положили эти сумки под сиденья и так довели. Приехали на Московский вокзал, звоню в Пушкинский дом: «Привезли». Там ахнули: «Ка-ак? А броневички где?» — «Как броневички?»

Раньше были отрывочные, а эти хорошие, начал списывать... и понял, что это — сам Гумилев!!! Сорок страниц — «Теория интегральной поэзии», неизвестная рукопись Гумилева. Стоимость одной этой тетрадки, которую Лукницкий так хорошо спрятал (Вера Константиновна ничего о ней не знала), может быть, превышала те деньги, за которые был куплен архив.

Кстати, в архиве нашли и рукопись «Реквиема» Ахматовой, очень важная вещь, текстологический источник. Были там и другие материалы, очень много интересного, но самой важной находкой была, конечно, эта рукопись Гумилева. Я считаю Дмитрия Сергеевича «крестным отцом» этого открытия. Если бы не его слово тогда, архив, возможно, был бы распродан по частям или это бы еще куда-нибудь ушло, а может, и вообще кануло бы в Лету.

А вот еще одна почти детективная история про Лихачева. Закрывали в очередной раз музей «Анна Ахматова. Серебряный век» в Автове. В со-